

В глубине души каждого человека скрывается зверь, запертый за невидимой оградой. Он скалится, рычит и не знает покоя ни днем, ни ночью.

Отель X-HOTEL, в совершенстве овладевший искусством укрощения этих внутренних зверей, ввел особую услугу, ставшую невероятно популярной — так называемую Комнату разрушения.

Люди приходят сюда с невидимым пламенем в глазах. Получив список, они отмечают в нем пункты, и вскоре всё заказанное доставляют на место для «казни». Пока это не противоречит закону, любой предмет, способный принести удовлетворение от уничтожения, может быть предан забвению.

В комнате царит мертвая тишина. Стены бледно-белые, холодные на ощупь, они способны поглотить даже яростную мощь S-класса Альфы, оставляя лишь глухой, приглушенный звук.

Здесь разрушают стресс, избыток энергии и даже подавленные желания.

Комната разрушения в X-HOTEL уникальна. Даже открытый недавно клуб «Полярный день», принадлежащий Чжэн Юйшаню, не смог затмить ее славу. Все дело в том, что на верхнем этаже отеля находится эксклюзивная комната высшего уровня жестокости, предназначенная исключительно для Хуа Юна.

Материалы, прошедшие через бесчисленные испытания, усовершенствованные после атак Энигмы и многократно модернизированные — вот гарантия того, что Комната разрушения в X-HOTEL будет пользоваться успехом, стоило ей появиться в Цзянху.

Выйдя из «Полярного дня», Чан Юй посмотрел на Хуа Юна. Он ждал указаний и одновременно опасался: выдержит ли недавно улучшенная комната ярость босса? Однако Хуа Юн лишь бросил:

— Возвращаемся в переулок.

Конец.

На мгновение в голове Чан Юя не осталось ничего, кроме этого слова.

В прошлый раз, когда он выяснял подробности о Шэн Шаою, известном своей страстью к красоте и несерьезными интрижками, он обнаружил среди бывших партнеров одного Омегу, который состоял с ним в отношениях дольше полугода.

Когда босс узнал об этом Омеге, его душевное состояние пошатнулось настолько сильно, что блокаторы перестали действовать, и ему пришлось потребовать у Чан Юя экстренную инъекцию.

Хуа Юн редко прибегал к уколам: хотя они действовали быстро, побочные эффекты были тяжелыми, а сильная зависимость заставляла терять контроль над собственным телом.

Высший уровень феромонов делал Хуа Юна практически непобедимым, но именно поэтому он предъявлял к самоконтролю гораздо более высокие требования, чем обычные люди.

Сегодня, в этой неловкой ситуации, босс не попросил инъекцию. Чан Юй ожидал, что тот отправится вымещать гнев, но вместо этого услышал лишь три спокойных слова: возвращаемся в переулок.

Чан Юй снова взглянул на лицо Хуа Юна, но не смог прочесть ничего определенного. Тем не менее он понимал: босс далеко не так спокоен, как кажется.

Они не поехали в комнату разрушения X-HOTEL, скорее всего, потому, что с верхнего этажа в переулке можно увидеть жилой комплекс, где проживает секретарь Гао.

Верхний этаж дома, который арендовал Хуа Юн, был надстроен — он возвышался над всеми соседними зданиями. Хотя до дома секретаря Гао было неблизко, из окна маленькой гостиной открывался прямой вид на дорогу, по которой тот обычно возвращался домой.

Чан Юй узнал об этом совпадении случайно, когда однажды проверял график подработок и маршрут секретаря Гао.

Хотя Чэнь Пиньмин уже приложил все усилия, чтобы остановить людей в «Полярном дне» и дать объяснения, прошло всего около десяти минут. Возвращаться сейчас в переулок... с его зрением Энигмы босс действительно может увидеть что-то нежелательное.

Чан Юй не смел развивать свои мысли дальше, лишь выразительно взглянул на водителя, приказывая замедлить ход.

Он боялся не того, что придется ехать в комнату разрушения X-HOTEL, а того, сможет ли босс вынести увиденное.

Тот напор, с которым Шэн Шаою сегодня держался с секретарем Гао, не шел ни в какое сравнение с тем, что позволял себе Сун Хуаньчэн за полгода отношений. Вспоминая, как кулаки Шэн Шаою рассекали воздух на парковке, Чан Юй понимал: это было вовсе не так безобидно, как пытался представить Чэнь Пиньмин. Шэн Шаою твердо вознамерился показать, на что способен.

Была в этой истории и еще одна странность — сам секретарь Гао.

Точнее, то, как он последовал за Шэн Шаою, было совершенно необъяснимо.

Секретарь Гао всегда был безупречен. Этот человек, если захочет, мог бы превратить даже обезьяну в мудреца — он был куда проницательнее и расторопнее Чэнь Пиньмина. Но сегодня вечером, когда Шэн Шаою уводил его, он пребывал в странном состоянии.

Что могло заставить секретаря Гао потерять бдительность даже перед Шэнь Вэньланом, своим самым уважаемым боссом? Он ушел, даже не попытавшись сопротивляться.

Он не проявил уважения к Чжэн Юйшаню, который когда-то ему помог, и даже не соблюл элементарный этикет, не проронив ни слова на прощание.

Секретарь Гао выглядел так, будто был полностью подчинен своему Альфе.

Но ведь секретарь Гао — Омега, а подчинение Альфе...

Хаос в мыслях Чан Юя стал еще гуще.

Босс умел действовать расчетливо, но он никогда не подавлял себя. Если он хотел отомстить, то делал это немедленно. Если на что-то положил глаз, то добивался этого. Что касается широты души и достоинства высшей Энигмы, то для него существовали лишь два варианта: «Хуа Юн хочет» и «Хуа Юн получает».

Чан Юй знал, что Шэнь Вэньлан наверняка разозлится из-за сегодняшнего инцидента: его личного помощника увели на глазах у всех. Но для Шэнь Вэньлана секретарь Гао был всего лишь Бетой, так что тот, возможно, сохранял некое спокойствие.

Однако для босса секретарь Гао был ценным Омегой, которого у него на глазах увел Альфа S-класса.

И босс стерпел эту провокацию.

Даже если Шэн Шаою все еще питал чувства к своей «старой любви», увод Омеги прямо из-под носа — это поступок, который едва ли мог закончиться чем-то хорошим.

И босс смирился с этим унижением.

Эх, все действительно кончено.

Чан Юй снова быстро прокрутил в голове досье на секретаря Гао.

В день их приезда в Цзянху они видели, как Шэн Шаою и секретарь Гао пересеклись, но когда Чан Юй проводил проверку, никакой общей информации между ними не нашел. Если бы Хуа

Юн не решил перевезти X Holdings в Цзянху и не пригласил HS вступить в противостояние с «Шэнфан Био», секретарь Гао и Шэн Шаою, скорее всего, никогда бы не встретились.

Что их связывало? Что он упустил?

Чан Юй не успел додумать, как Хуа Юн с раздражением поторопил его:

— Чан Юй, улитка и та ползет быстрее!

Небеса — словно капризный ребенок, любящий сеять раздор.

Когда люди молят их о чем-то, они не дают ничего, а когда люди чего-то не хотят, те словно на крыльях приносят это прямо в руки.

Чан Юй проводил Хуа Юна до дверей, но не стал заходить внутрь. Глядя из узкого, обшарпанного оконца в коридоре, он сразу увидел вдалеке силуэт, похожий на Шэн Шаою. Его тело было слегка наклонено, и в его объятиях, несомненно, находился еще один человек.

— Увидел? Возвращайся, все как обычно.

Хуа Юн, вероятно, прочитал мысли Чан Юя по его лицу. Он не стал ничего добавлять, лицо его оставалось бесстрастным. Он открыл дверь и вошел внутрь.

На самом деле, в тот день, когда Хуа Юн ухаживал за Гао Ту, он возвращался домой пешком и прекрасно знал, какой вид открывается из этого окна. Именно тогда он решил, что пора попробовать избавиться от своей призрачной одержимости Шэн Шаою.

Хуа Юн не стал включать свет. Он просто стоял у окна в гостиной, глядя вдаль на тех двоих. Это был второй раз, когда он своими глазами видел, как Шэн Шаою обнимает одного и того же Омегу.

Опасения Чан Юя были оправданы: зрение Энигмы не позволяло Хуа Юну увидеть меньше, чем он хотел.

Хотя свет был тусклым, а тени деревьев скрывали многое, Хуа Юн видел все отчетливо.

Гао Ту был заключен в объятия Шэн Шаою, его тело было почти полностью скрыто, но по очертаниям было ясно: даже если слез не видно, он плакал.

Он плакал, не заботясь о том, как выглядит, и эта дрожь, пронизывающая его тело, внезапно напомнила Хуа Юну розу.

Иногда нежные лепестки удерживают капли росы, которые вот-вот сорвутся вниз. Если протянешь руку, то первым делом ощутишь укол шипа. Но когда ты решаешься сорвать цветок, находишь способ обойти колючки и наконец приближаешься к розе — роса на ней больше не дрожит для тебя.

Хуа Юн не пришел в ярость, как опасался Чан Юй. Напротив, он был как никогда рассудителен и спокоен. В голове возникло отрезвляющее суждение: этот соперник куда опаснее Шэнь Вэньлана.

Шэн Шаою не только готов был вытирать слезы Гао Ту, он не мог вынести вида его плача. И самое главное — Гао Ту был готов плакать перед ним.

А перед Хуа Юном он лишь недавно начал позволять себе чуть более искренние улыбки. Заставить человека улыбнуться сложно, но Хуа Юн приложил немало усилий, чтобы Гао Ту перестал одаривать его вежливыми дежурными улыбками и стал более открытым.

Иногда Гао Ту делился своими тревогами. Хотя это случалось редко, Хуа Юну казалось, что он уже почти победил — по крайней мере, он был успешнее Шэнь Вэньлана.

Но сейчас Гао Ту плакал, уткнувшись в грудь Шэн Шаою.

Этот человек определенно дарил ему невероятное чувство безопасности.

Этот настоящий Омега по своей воле плакал в объятиях Альфы, который еще даже не подчинил его по-настоящему.

Хуа Юн понял: сеть, которую он так долго плел, порвалась.

Эта бабочка собирается улететь в другое место.

Но разве Хуа Юн позволит такому случиться?

Это его роза, его Омега. И даже если когда-то он был интересен другому Альфе, тот не смеет забирать его себе.

<http://bllate.org/book/19429/1902865>